

Кузнецова Е.Д.

**ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТЕОРИИ КРЕАТИВНОСТИ
В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА[©]**

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», МГИМО Университет,
Россия, Москва, rio14032014@gmail.com*

Аннотация. Современное общество развивается в условиях глобальной нестабильности, провоцирующей интенсивные языковые изменения. Возникновение новых каналов коммуникации, ускоренный процесс обмена информацией, становление оригинальных форм творчества и его частичная автоматизация трансформируют привычное понимание явления креативности. Особое внимание сегодня стоит обратить на языковые эксперименты в контексте современных информационных технологий, меняющих текущие коммуникационные отношения в рамках бинома «человек – машина». Активное внедрение систем искусственного интеллекта для имитации креативных процессов человека и порождения оригинальных текстов требует пересмотра классических подходов к изучению феномена и реорганизации общей теории и практики креативной деятельности. Статья представляет собой попытку осмысления и анализа феномена лингвистической креативности в его онтологическом и аксиологическом аспектах в эпоху искусственного интеллекта.

Ключевые слова: креативность; искусственный интеллект; лингвистическая креативность; творческая деятельность; виртуальная среда; креативная компетенция; сотворчество.

Получена: 19.02.2024

Принята к печати: 28.12.2024

Kuznetsova E.D.
Rethinking the theory of creativity
in the age of artificial intelligence®

*National Research University “Higher School of Economics”, MGIMO University,
Russia, Moscow, rio14032014@gmail.com*

Abstract. Modern society is developing in the conditions of global instability, which provokes intensive linguistic changes. The emergence of new communication channels, accelerated information exchange, the formation of original forms of creativity and its partial automation transform the usual understanding of the phenomenon of creativity. Particular attention today should be paid to language experiments in the context of modern information technologies that change the current communication relations within the framework of the binomial “human being – machine”. Active implementation of artificial intelligence systems to imitate human creative processes and generate original texts requires a revision of classical approaches to the study of the phenomenon and a reorganization of the general theory and practice of creative activity. This paper is an attempt to understand and analyze the phenomenon of linguistic creativity in its ontological and axiological aspects in the era of artificial intelligence.

Keywords: creativity; artificial intelligence; linguistic creativity; creative activity; virtual environment; creative competence; co-creation.

Received: 19.02.2024

Accepted: 28.12.2024

Введение

Вопрос о природе феномена креативности занимает умы исследователей на протяжении многих веков. Несмотря на то что первые попытки изучения креативности были предприняты еще в Древней Греции в трудах античных мыслителей, научная разработка данного понятия и стоящих за ним явлений перешла в активную стадию академического освоения лишь на рубеже XX–XXI вв., названных позже «креативной эпохой» [Florida, 2017]. В течение этого времени формируются научные школы и исследовательские традиции, осваиваются новые методологические подходы, в том числе в междисциплинарной плоскости с привлечением данных различных наук. Обширные возможности изучения феномена продолжают привлекать внимание исследователей и сегодня, что способствует приумножению и систематизации научного знания.

Возрастающая в современном обществе роль лингвистического творчества в Сети и безграничные возможности цифрового самовыражения, стремительное развитие «низких» жанров медиа-искусства, мем-культуры и ремикс-технологий творчества (например, межсемиотический перевод как креативный трансфер из вербального искусства в виртуальную живопись (нейросети Kandinsky, Midjourney и др.)) усиливают актуальность проблематики статьи, связанной с изучением креативной деятельности личности, в частности в виртуальной среде.

В статье будет представлен обзор актуальных работ, отражающих представления о феномене лингвокреативности в междисциплинарном аспекте в рамках отечественных и зарубежных научных школ, с целью выявления новых тенденций, обусловленных функционированием общества в эпоху «больших данных» и экспансии искусственного интеллекта.

Концепции креативной деятельности в динамическом аспекте

Понятие «креативность» выступает в качестве одной из центральных операционных категорий во многих гуманитарных науках, в особенности философии и психологии, вносящих неоценимый вклад в становление междисциплинарной концепции феномена креативности и продолжающих его гармоничное развитие.

Современные научные работы разрушают стереотипные представления о креативности как свойстве «избранных», творчески одаренных личностей. Так, в ключевых трудах, посвященных явлению креативности в психологии и дидактике, предлагается четырехуровневая модель креативности (*Four C-Model*), расширяющая традиционную дихотомию повседневной и выдающейся креативности (*little-c* и *Big-C creativity*, соответственно). Между данными полярными типами креативности располагаются уровни мини- и про-креативности (*mini-C* и *Pro-C*), под которыми понимаются лично значимая интерпретация опыта, достигаемая в процессе обучения, а также достижение профессионализма и виртуозности в любой творческой области [Kaufmann, 2009]. Описанная модель в настоящее время активно дополняется. Так, некоторые исследователи выделяют макро- и микроподуровни креативности [Clack, 2017]. Более того, О. Сакс заявляет о существовании прото-креативности, некоего первичного креативного свойства, заложенного

в каждом человеке и раскрывающегося, в том числе, благодаря имитации, подражанию, неосознанному заимствованию идей и их новому воплощению [Sacks, 2018, с. 129]. Имитацию в данном случае следует отличать от мимикрической культуры слепого подражания и зеркального отражения некоего фрагмента действительности. Она выступает производным элементом художественного творчества, предшествующим его основному акту. Именно поэтому имитация особенно важна в исполнительском или изобразительном искусстве, исконно считающихся одной из наиболее креативных сфер деятельности в обществе. Посредством формирования начитанности и насмотренности, некоторого подражания гениям может произойти постепенный переход к выдающейся креативности, что также свидетельствует об иммерсивном характере искусства и творчества. Так, креативность принимается как «прототипический признак всех человеческих действий» [Позднякова, 2006, с. 43].

Как утверждается в фундаментальных работах, посвященных психологии творчества, существует прямая корреляция между креативностью и типом мышления (латеральное и вертикальное мышление по Э. де Боно; дивергентное и конвергентное мышление по Д. Гилфорду) [De Bono, 1970; Guilford, 1950]. Вместе с тем доказано, что на общий уровень креативности личности оказывает влияние феномен редуцированного латентного торможения, сопровождающийся расфокусированным вниманием и широким горизонтом ассоциаций, «цепляющим» нерелевантные стимулы, а также открытость новому опыту как одно из пяти основных измерений личности по модели «OCEAN»: экстраверсия, сознательность, доброжелательность, открытость опыту, невротизм (*openness for experience, conscientiousness, extraversion, agreeableness, neuroticism*) [Wendler, 2021, p. 4].

Способность к креативной деятельности многие исследователи напрямую связывают с понятием свободы. Свобода как игра разума, внутренняя сила человека и его воображения становится одним из критериев гениальности. Еще И. Кант в своих трудах по эстетике указывал на основной диалектический принцип художественного гения, который характеризуется, с одной стороны, следованием правилам, а с другой – свободой их нарушать или устанавливать свои правила игры. Люди способны выйти за пределы собственной «программы», о чем свидетельствуют, например, теория габитуса и предметно-критические исследования концепции свободы в эпоху постмодерна [Foucault, 2008].

На современном этапе развития общества креативность также интерпретируется как «игра с неопределенностью» [Winter, 2022, p. 27]. Благодаря способности многократно генерировать идеи и оригинально воспроизводить их, создавать «ремиксы» открываются разнообразные паттерны возможностей, что в дальнейшем приводит к созданию креативных новаций в рамках различных семиотических систем.

Ремикс-технологии vs абсолютная новизна

При рассмотрении проблемы онтологического осмысления феномена креативности стоит обратиться к философской трактовке данного понятия. В Философском энциклопедическом словаре, где представлены дефиниции изучаемого явления в разных аспектах, «креативность» часто определяется как «конструктивная деятельность по созданию нового» или «человеческая деятельность, порождающая нечто качественно новое, имеющее общественно-историческую ценность» [ФЭС, 2005]. Таким образом, мы видим, что понятие креативности находится в прямой корреляции с идеями уникальности и оригинальности. Однако определение объема самого понятия новизны вызывает определенную трудность.

Как известно, термин «креативность» происходит из латыни и означает «порождать» или «приводить к существованию», однако «сотворение из ничего» (лат. *Creatio ex nihilo*) считалось прерогативой Бога со времен раннехристианского богословия. Даже если признать за человеком большую творческую силу, в современной гуманитарной науке встает вопрос о принципиальной возможности создания чего-то объективно нового. Исходя из положения, что все новации в философии, искусстве или науке всегда основаны на вдохновении от того, что уже известно и создано, К. Фергюсон приходит к выводу, что «все есть комбинация ранее существовавшего (ремикс)» (англ. *Everything is a remix*). Креативность, таким образом, характеризуется переосмыслением, перестановкой, своего рода «ремиксом» на основе творческого взаимодействия с уже придуманным и произведенным, а также приобретением опыта, известного и полученного ранее другими социальными акторами. Человеческое творчество проявляется здесь в «игре повторений и изменений», поэтому в определенном смысле всегда трактуется

как взаимодействие копирования, преобразования и рекомбинирования [Ferguson, 2023]¹.

Эти процессы становятся видимыми в искусстве (например, коллажи в авангардистском литературно-художественном движении (дадаизм)), в кинематографе (пастиш, адаптация литературного материала в ином художественном формате, ремейки старых фильмов в «авторском прочтении»), в научном дискурсе (трансформации готовых текстов, основанные на сложной системе цитирований, переосмыслений, раскрывающие исходное произведение в новом свете) (ср.: [Barthes, 1977]). Новые форматы цифрового творчества, такие как мемы (*memes*), рилзы (*reels*), короткие видео (*shorts*), ставшие объектом изучения во многих актуальных научных статьях, также всецело основываются на ремиксе существующих «креативных кодов». Таким образом, ремикс представляет собой культурное выражение текущего состояния современного общества, занимающее в настоящее время одну из центральных позиций в теории и истории культуры.

Несмотря на то, что ремикс онтологически не есть креативность в чистом виде, а скорее некая ее имитация, направленная на психологическое воздействие, убеждение в уникальности и оригинальности, он может послужить первоначальным толчком к запуску креативных процессов посредством модификации и нестандартной комбинации существующих концептов, механизмов блендинга и рефрейминга, что в дальнейшем находит свое материальное выражение, в том числе и в речи. Таким образом, мы наблюдаем, как из философии и психологии понятие креативности стремительно проникает в ряд смежных гуманитарных наук (лингвистику, семиотику, культурологию, когнитивистику).

Феномен креативности сквозь призму лингвистики

В языковедении понятие лингвокреативности прошло долгий путь теоретического осмысления. Отправной точкой изучения лингвистического творчества можно считать труды В. фон Гумбольдта, который разграничивал язык как продукт деятельности *ergon* и как саму деятельность *energeia*, особо подчеркивая творческие основания языковой системы в целом [Гумбольдт, 2000].

¹ Ferguson K. Everything is a remix [Видеозапись]. – 2023. – URL: [youtube.com/watch?v=X9RYuvPCQUA](https://www.youtube.com/watch?v=X9RYuvPCQUA)

Данная концепция творческого начала в языке получила дальнейшее развитие в работах ученых различных лингвистических школ и направлений: сближение понятий языка и творчества в учении А.А. Потебни [Потебня, 2007], понимание творчества как особого поэтического отбора языковых средств у Г.Г. Шпета [Шпет, 2007], постулирование социальной ценности лингвокреативности в дихотомии языковой конвенции и ее намеренного нарушения в теории Р.О. Якобсона [Якобсон, 1975], идеи лингвистической компетентности как проявления креативного языкового поведения Н. Хомского [Chomsky, 2003], концепция эстетическо-эвристического измерения языка В.П. Григорьева [Григорьев, 1979] и др.

Современная теория лингвокреативности междисциплинарна, она создается на базе множества гуманитарных наук, преломляя их идеи в плоскости языка и выводя исследовательские проблемы на новый уровень их актуализации. В течение последних лет ученые-лингвисты стремятся произвести систематизацию научных знаний о феномене лингвокреативности, предлагая различного рода классификации. Так, М. Боден различает комбинационную, экспериментальную и трансформационную креативность [цит. по: Law, 2018, p. 62], а возникающие при этом творческие идеи условно подразделяет на *p-креативные* (психологическая новизна) и *h-креативные* (историческая новизна), что базируется на принципе беспрецедентности вербально проявившейся структуры для языкового общества в целом или для конкретного носителя языка.

Однако изобретение принципиально нового языка едва ли возможно; на практике наблюдается лишь его новая авторская интерпретация, индивидуальное использование, сопровождающееся частичными трансформациями. Еще Н. Хомский отмечал, что несмотря на строгую фиксированность принципов организации языка и наличия формальных законов, процесс порождения речи бесконечно разнообразен, а сама интерпретация языка становится частью свободной творческой деятельности [Chomsky, 2003, p. 402]. Следовательно, для создания языковых новаций и реализации механизмов дискурсивной креативности в ином социокультурном контексте необходимо наличие лингвистической креативной компетенции личности, делающей возможными различного рода манипуляции с языком.

Большинство лингвистических явлений, которые ученые-языковеды часто определяют как креативные, в действительности являются лишь ярким примером языковой продуктивности, оригинального использования устоявшихся возможностей языка. Зачастую

авторы применяют принцип шаблона *snowclone*, где доступные вариативные слоты в существующем паттерне заполняются новым материалом с целью проявления внешней креативности [Hartmann, 2023, p. 3], что соответствует параметрам реализации F-креативности (*fixed-creativity*), а выход за рамки коммуникативных возможностей, сопровождающийся созданием новых паттернов коммуникации, обозначается как E-креативность (*extending-creativity*) [Sampson, 2016]. Однако, как показывают актуальные исследования, ни одна из выделенных форм не существует в чистом виде, а их принципиальное разграничение носит весьма формальный характер. Креативность всегда есть результат напряженного взаимодействия между гениальностью и обыденностью [Bergs, 2020; Hoffmann, 2022].

Языковые объекты нередко оказываются в ракурсе междисциплинарных исследований. Так, К. Турлоу различает типы креативности по их социальной природе, разграничивая неолиберальную креативность индустрии маркетинга с элитарным творчеством и напускным «презентизмом» от вернакулярной креативности (*vernacular creativity*) как в высшей степени социальной неинституционализированной практики, наиболее часто проявляющейся в медиадискурсе в форме провокативной межсемиотической игры, стирающей границы между искусством, коммерцией и народным творчеством [Thurlow, 2012, p. 185]. К таким случаям народного творчества в процессе сетевого общения следует отнести неконвенциональное употребление орфографических, лексических, синтаксических единиц, модифицированных визуальных и типографических знаков (буквенно-числовые омофоны, дингбаты, множественная неузуальная пунктуация и др.) [Зыкова, 2023, с. 147]. Подобные техники продолжают функционировать в рамках интерпретации и индивидуально-авторского использования языка.

Таким образом, лингвокреативность отражает когнитивные и творческие возможности личности в прагматических целях: язык одновременно выступает материалом для создания креативных элементов и инструментом, позволяющим подобные создания в неисчисляемых комбинациях в рамках словесного искусства. Лингвокреативность выступает, с одной стороны, свойством самого языка, с другой – способностью человека к речетворческой деятельности.

Сотворчество человека и искусственного интеллекта как новая форма креативности

Особое внимание сегодня стоит обратить на языковые эксперименты в контексте современных информационных технологий, меняющих текущие коммуникационные отношения в рамках бинама «человек – машина». Освоение системами искусственного интеллекта (ИИ) ремикс-технологий копирования, преобразования и рекомбинирования приводит к формированию «искусственной креативной компетенции» компьютера, бросающего вызов специалистам креативной индустрии [Knaus, 2024]. В связи с этим возникает целый ряд проблемных вопросов, касающихся способности алгоритмов нейронных сетей развить новую форму креативности, проявляющуюся в многочисленных переосмыслениях классических произведений в области искусства, литературы и общего текстогенеза. Сегодня подвергаются сомнению творческие действия человека, «подпитанные» генеративными методами ИИ, что выступает не как фактическое проявление креативности, а как свидетельство постепенного развития новой категории дополненной креативности (*augmented creativity*).

Внедрение технологий искусственного интеллекта в креативную индустрию оказало положительное влияние на теоретическую разработку проблемы, включая новое осмысление феномена, сопровождающееся переоформлением содержания термина. Классические определения креативности исходили из позиций результата или продукта творчества, лишь в малой степени фокусируясь на самом процессе. Однако именно креативность как процесс становится определяющей применительно к компьютерным моделям креативности (*computational creativity*) [Green, 2023].

Все чаще представители исконно творческих специальностей, деятели искусства прибегают к использованию инструментов искусственного интеллекта в своей профессиональной деятельности (см., например [Острогорский, 2023; Старусева-Першеева, 2023; Марков, 2021]). При этом цель его включения в рабочие процессы заключается не в обработке больших массивов данных или получении точных и достоверных результатов расчетов, а по большей степени в самом процессе творческого освоения, исследования и «игры» с новыми инструментами [Wingström, 2023]. Так, наблюдается активация заложенной природой в исследователях протокреативности, а нейронные сети становятся при этом в некоторой степени «соавторами» получаемых «на выходе» произведений.

Тем самым мы становимся свидетелями возникновения новой концепции совместного творчества (*co-creativity*), описывающей смешанное сотворчество человека и искусственного интеллекта, что вносит значительные изменения в общий исследовательский ландшафт изучения креативности, а сами научные изыскания в данной междисциплинарной области приводят исследователей к созданию новых лингвокреатем. Ярким примером здесь может послужить термин *cre-Al-tion* [Vinchon, 2023], отражающий современное состояние теории и практики креативной деятельности.

Заключение

На основе проведенного исследования можно предположить, что ремикс-технологии, модели адаптации и рекомбинации творческого материала, следование заранее заданным трендам несколько замедляют естественное развитие экстраординарной и выдающейся креативности личности. Обращение к системам искусственного интеллекта снижает порог собственного творческого поиска и обращает массы к готовым идеям и форматам. Однако именно глобальная цифровизация подталкивает современное общество в массе к творчеству, вовлекает в значимые креативные практики за счет доступности и функциональности цифровых инструментов, снижающих входной барьер к активной творческой деятельности. Результаты работы нейросети, сгенерированные ею варианты также способны интриговать воображение человека, вызывая «взрыв ассоциаций», выполнять роль пускового механизма собственной лингвистической креативности, пробуждая исследовательский интерес. Виртуальная среда представляет собой открытое поле для экспериментов, что способствует раскрытию безграничного ресурса массового творчества, нередко проявляющегося в языковых новациях и их мультимодальных комбинациях, эрратологической активности с высоким креативным потенциалом и общекультурных трансформациях.

Искусственный интеллект определяет сегодня не только технологические процессы, но и саму философию, культуру креативной деятельности, требующей в том числе новой этики и эстетики текста, обусловленных новой реальностью. XXI век по праву был назван веком «цифрового гуманизма» (*digital humanism* [Werthner, 2022]), и, вероятно, только сотрудничество интеллектов человека и машины послужит во благо стремительно меняющемуся обществу.

Список литературы

- Григорьев В.П. Поэтика слова. – Москва : Наука, 1979. – 346 с.
- фон Гумбольдт В. Природа и свойства языка вообще // Избранные труды по языкознанию. – Москва : Прогресс, 2000. – С. 95–101.
- Зыкова И.В. Параметризация лингвокреативности в кинодискурсе: новые эмпирические данные // Дискурс и язык в эпоху «больших данных». – Москва : Р. Валент, 2023. – С. 145–161.
- Марков С. Нейросети: угроза для художника или помощник? // Artlife. – 2021. – № 1. – С. 1–4.
- Острогорский А. Архитектурное воображение в эпоху ИИ // Диалог искусств. – 2023. – № 6. – С. 72–79.
- Позднякова Е.М. Креативность действия в зеркале лингвокреативной деятельности человека // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 3. – С. 43–49.
- Потебня А.А. Мысль и язык. – Москва : Лабиринт, 2007. – 256 с.
- Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский. – Москва : Инфра-М, 2005. – 576 с.
- Цифровой комикс и сетевое искусство: перспективы визуальной коммуникации / Старусева-Першеева А.Д., Фадеева Т.Е., Сковородников П.Ю., Лушкин С.С. // Артикульт. – 2023. – №1 (49). – С. 47–58.
- Шнем Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. – Москва : Прогресс-Традиция, 2007. – 712 с.
- Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – Москва : Прогресс, 1975. – С. 193–230.
- Barthes R. The death of the author // Image – Music – Text. – New York : Hill and Wang, 1977. – P. 142–148.
- Bergs A., Kompa N. Creativity within and outside the linguistic system // Cognitive Semiotics. – 2020. – Vol. 13(1). – P. 2020–2025.
- de Bono E. Lateral thinking. – London : Penguin, 1990. – 260 p.
- Chomsky N. The reasons of state. – London : Penguin, 2003. – 440 p.
- Clack J. Distinguishing between ‘macro’ and ‘micro’ possibility thinking: seen and unseen creativity // Thinking Skills and Creativity. – 2017. – Vol. 26(2). – P. 60–70.
- Florida R. The rise of the creative class. – New York : Hachette, 2019. – 422 p.
- Foucault M. Überwachen und Strafen. Die Geburt des Gefängnisses. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2008. – 396 p.
- Guilford J.P. Creativity // American Psychologist. – 1950. – Vol. 5. – P. 444–454.
- Hartmann S., Ungerer T. Attack of the snowclones: a corpus-based analysis of extravagant formulaic patterns // Journal of Linguistics. – 2023. – Vol. 8. – P. 1–36.
- Hoffmann T. Constructionist approaches to creativity // Yearbook of the German Cognitive Linguistics Association. – 2022. – Vol. 10(1). – P. 259–284.
- Kaufmann J., Beghetto R. Beyond big and little: The Four C Model of Creativity // Review of General Psychology. – 2009. – Vol. 13(1). – P. 1–12.
- Knaus T., Merz O., Junge T. Ist das Kunst ... oder kann das die KI? Zum Verhältnis von menschlicher und künstlicher Kreativität // Ludwigsburger Beiträge zur Medienpädagogik. – 2024. – Vol. 1. – P. 1–8.

- Law L. Creativity and multimodality: analytical framework for creativity in multimodal texts (AFCMT) // *Linguistics and the Human Sciences*. – 2018. – Vol. 14. – P. 60–93.
- Perspectives on Digital Humanism / Werthner H., Prem E., Lee E., Chezzi C. – Vienna : Springer, 2022. – 539 p.
- Sacks O. The river of consciousness. – Dublin : Picador, 2018. – 238 p.
- Sampson G. Two ideas of creativity // *Evidence, Experiment and Argument in Linguistics and Philosophy of Language*. – Bern : Peter Lang, 2016. – P. 15–26.
- The process definition of creativity / Green A., Beaty R., Kenett N., Kaufmann J. // *Creativity Research Journal*. – 2023. – Vol. 1. – P. 1–29.
- Thurlow C. Determined creativity: language play in new media discourse // *Discourse and Creativity*. – London : Pearson, 2012. – P. 169–190.
- Vinchon F., Lubart T. Artificial intelligence & creativity: a manifesto for collaboration // *The Journal of Creative Behavior*. – 2023. – Vol. 57(2). – P. 1–13.
- Wendler H. Psychologie der Kreativität // *Praxis Gemeindepädagogik*. – 2021. – Vol. 2. – P. 1–5.
- Wingström R., Hautala J., Lundman R. Redefining creativity in the era of AI? Perspectives of computer scientists and new media artists // *Creativity Research Journal*. – 2022. – Vol. 1. – P. 1–17.
- Winter D. Warum künstliche Intelligenz keine schöne Kunst im kantischen Sinne hervorbringen kann. – Berlin : J.B. Metzler, 2022. – 85 p.

References

- Grigor'ev, V.P. (1979). *Poetika slova*. Moscow: Nauka.
- Gumbol'dt, V. (2000). Priroda i svojstva yazyka voobshche. In *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* (pp. 95–101). Moscow: Progress.
- Zykova, I.V. (2023). Parametrizatsiya lingvokreativnosti v kinodiskurse: novye empiricheskie dannye. In *Diskurs i yazyk v epokhu "bol'shikh dannyyh"* (pp. 145–161). Moscow: R. Valent.
- Markov, S. (2021). Nejroseti: ugroza dlya hudozhnika ili pomoshchnik? *Artlife*, 1, 1–4.
- Ostrogorskij, A. (2023). Arkhitekturnoe voobrazhenie v epokhu II. *Dialog iskusstv*, 6, 72–79.
- Pozdnyakova, E.M. (2006). Kreativnost' dejstviya v zerkale lingvokreativnoj deyatel'nosti cheloveka. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 3, 43–49.
- Potebnya, A.A. (2007). *Mysl' i yazyk*. Moscow: Labirint.
- Filosofskij entsiklopedicheskij slovar* (2005). Moscow: Infra-M.
- Staruseva-Persheeva, A.D., Fadeeva, T.E., Skovorodnikov, P.Yu., Lushkin, S.S. (2023). Tsifrovoy komiks i seteovoe iskusstvo: perspektivy vizualnoj kommunikatsii. *Artikult*, 1(49), 47–58.
- Shpet, G.G. (2007). *Iskusstvo kak vid znaniya. Izbrannye trudy po filosofii kul'tury*. Moscow: Progress-Traditsiya.
- Yakobson, R.O. (1975). Lingvistika i poetika. In *Strukturalizm: "za" i "protiv"* (pp. 193–230). Moscow: Progress.
- Barthes, R. (1977). The death of the author. In *Image – Music – Text* (pp. 142–148). New York: Hill and Wang.
- Bergs, A., Kompa, N. (2020). Creativity within and outside the linguistic system. *Cognitive Semiotics*, 13(1), 2020–2025.
- de Bono, E. (1990). *Lateral thinking*. London: Penguin.
- Chomsky, N. (2003). *The reasons of state*. London: Penguin.

- Clack, J. (2017). Distinguishing between ‘macro’ and ‘micro’ possibility thinking: seen and unseen creativity. *Thinking Skills and Creativity*, 26(2), 60–70.
- Florida, R. (2019). *The rise of the creative class*. New York: Hachette.
- Foucault, M. (2008). *Überwachen und Strafen. Die Geburt des Gefängnisses*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Guilford, J.P. (1950). Creativity. *American Psychologist*, 5, 444–454.
- Hartmann, S., Ungerer, T. (2023). Attack of the snowclones: a corpus-based analysis of extravagant formulaic patterns. *Journal of Linguistics*, 8, 1–36.
- Hoffmann, T. (2022). Constructionist approaches to creativity. *Yearbook of the German Cognitive Linguistics Association*, 10(1), 259–284.
- Kaufmann, J., Beghetto, R. (2009). Beyond big and little: The Four C Model of Creativity. *Review of General Psychology*, 13(1), 1–12.
- Knaus, T., Merz, O., Junge, T. (2024). Ist das Kunst ... oder kann das die KI? Zum Verhältnis von menschlicher und künstlicher Kreativität. *Ludwigsburger Beiträge zur Medienpädagogik*, 1, 1–8.
- Law, L. (2018). Creativity and multimodality: analytical framework for creativity in multimodal texts (AFCMT). *Linguistics and the Human Sciences*, 14, 60–93.
- Werthner, H., Prem, E., Lee, E., Chezzi, C. (2022). *Perspectives on Digital Humanism*. Vienna: Springer.
- Sacks, O. (2018). *The river of consciousness*. Dublin: Picador.
- Sampson, G. (2016). Two ideas of creativity. In *Evidence, Experiment and Argument in Linguistics and Philosophy of Language* (pp. 15–26). Bern: Peter Lang.
- Green, A., Beaty, R., Kenett, N., Kaufmann, J. (2023). The process definition of creativity. *Creativity Research Journal*, 1, 1–29.
- Thurlow, C. (2012). Determined creativity: language play in new media discourse. In *Discourse and Creativity* (pp. 169–190). London: Pearson.
- Vinchon, F., Lubart, T. (2023). Artificial intelligence & creativity: a manifesto for collaboration. *The Journal of Creative Behavior*, 57(2), 1–13.
- Wendler, H. (2021). Psychologie der Kreativität. *Praxis Gemeindepädagogik*, 2, 1–5.
- Wingström, R., Hautala, J., Lundman, R. (2022). Redefining creativity in the era of AI? Perspectives of Computer Scientists and New Media Artists. *Creativity Research Journal*, 1, 1–17.
- Winter, D. (2022). *Warum künstliche Intelligenz keine schöne Kunst im kantischen Sinne hervorbringen kann*. Berlin: J.B. Metzler.

Об авторе

Кузнецова Екатерина Дмитриевна – стажер-исследователь Школы иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», МГИМО Университет, Россия, Москва, rio14032014@gmail.com

About the author

Kuznetsova Ekaterina Dmitrievna – researcher at the School of Foreign Languages, National Research University “Higher School of Economics”, MGIMO University, Russia, Moscow, rio14032014@gmail.com